

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Юрий Герман

ДЕЛО,
КОТОРОМУ ТЫ
СЛУЖИШЬ
♦
ДОРОГОЙ МОЙ
ЧЕЛОВЕК

Санкт-Петербург

ДЕЛО,
КОТОРОМУ ТЫ
СЛУЖИШЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Это случилось с ним в девятом классе школы: внезапно Володя охладел ко всему, даже к шахматному кружку, который тотчас же без него развалился, даже к учителю Смородину, который до сих пор считал Устименку своим лучшим учеником, даже к Варе Степановой, с которой он еще в ноябрьские праздники бегал на обрыв медленно текущей Унчи. Жизнь — такая веселая и занятая, такая переполненная и шумно-хлопотливая, такая увлекательная во всех своих подробностях — вдруг словно бы остановилась, и все вокруг Володи замерло, прислушиваясь настороженно и опасливо. Что, дескать, будет дальше, мальчишка, посмотрим!

Ничего, казалось бы, особенного не произошло.

Просто они с Варей пошли в кино. В тот вечер моросил обычный осенний дождик, Варя говорила свои глупости об «искусстве театра» (она была главной артисткой в драмкружке 29-й школы), по экрану разгуливали какие-то самодовольные, особой породы курицы. А потом Володя засопел и затаил дыхание.

— Молчи! — сказал он Варе.

— Чего ты? — удивилась она.

— Ты замолчишь? — прошипел он.

На экране ученый набирал в шприц какую-то жидкость. Это был лобастый, узкогубый, видимо измученный человек. Ничего симпатичного или, как любила выражаться Варина мама, обаятельного нельзя было обнаружить в облике этого великого первооткрывателя. И работу свою он делал не так чтобы уж очень ловко, наверно, сердился на тех людей, которые снимали его для кино. Такие люди очень не любят, чтобы их фотографировали, а тут еще эти кинооператоры!

Приговоренную морскую свинку Варя пожалела.

— Душечка, какая беденькая! — сказала Степанова и опасливо взглянула на Володю.

Но он даже не шикнул на Варю. Он слушал человека в белой шапочке и в белом халате, который строго говорил в зал о мудром старце Эскулапе и его дочери Панацее.

— Ничего не понимаю! — шепотом пожаловалась Варя. — Ну ничегошеньки. Ты понимаешь, Владимир?

Он кивнул. А потом, когда показывали художественный кинофильм, Володя сидел угрюмый, грыз ногти и думал. И ни разу не улыбнулся, хоть картина была смешная. Он вообще умел вдруг отделяться от всех, начинал жить не болтовней, а размышлениями, словно забирался в какую-то нору. И нынче, провожая Варю домой из кинотеатра «Ударник», он тоже шел не с нею, а совершенно отдельно, сам по себе.

— О чем ты думаешь? — спросила Варвара.

— Ни о чем! — буркнул он, весь погруженный в свои мысли.

— Очень весело с тобой! — сказала Варя. — Прямо умора! Буквально животики надорвешь от смеха.

— Что? — спросил он.

Так они и расстались месяца на три — Варя была обидчивой и самолюбивой, а перед ним распахнулся неведомый еще мир поисков и умственной сумятицы, открывания уже давно открытых истин, мир бессонных ночей, мир беспредельных знаний, в которых он был ничем, пустяком, соринкой, попавшей в бурю. Его вертело и швыряло среди слов, из-за которых поминутно нужно было справляться в энциклопедии; он прорывался через книги, в которых очень мало понимал; бывали часы, когда он едва не плакал от сознания собственного бессилия, но бывали мгновения, когда ему чудилось, что он понимает, разбирается, что он почти «свой» хоть в этой главке, на этой странице, что теперь только нужно вскапывать глубже и все пойдет отлично. А потом вновь он проваливался во тьму, ведь он был еще маленьким, «дурачком», как называла его тетка Аглая.

— Что это? — спросила она как-то очень студеным вечером, заглянув в Володин «закуток» — так называлась в квартире издавна его узкая комната.

— Где — что? — не понял Володя, с трудом отрываясь от книги.

— Да вот! Ты картины стал покупать?

— Это не картины, а копия с полотна Рембрандта «Урок анатомии доктора Тульпиуса»...

— А-а! — кивнула Аглая. — Но зачем тебе, дурачок, «Урок анатомии»?

— А затем мне, Аглая Петровна, «Урок анатомии», что я буду врачом, — сильно потягиваясь и сладко зевая, произнес Володя. — Таково мое решение.

— Еще добавь «на сегодняшний день», — посоветовала тетка. — В твоём возрасте решения меняются довольно часто. Я очень хорошо помню, как ты собирался пойти в летчики, а потом в сыщики. И в пожарники тоже. И мосты ты хотел строить, и пьесы ставить, и руду искать.

Володя молчал и улыбался: да, действительно, кажется, он когда-то рассуждал на все эти темы. Но как давно!

— Это миновало! — снисходительным к своему «прошлому» голосом сказал Володя. — Я же не мальчишка теперь.

— Да нет, что ты! — возразила Аглая. — Ты совершенно сложившийся, умудренный огромным жизненным опытом если не глубокий старик, то человек в годах. Ладно, не надувайся. Тульпиус этот был хорошим доктором?

— Он голландец, — вглядываясь в порывевшую от времени копию, сказал Володя, — Ван Тульп. Был доктором бедняков, профессором анатомии в Амстердаме. На портретах его обычно изображают со свечой и девизом врача. Теперь этот девиз вошел в разговорку: «Светя другим, сгораю сам».

— Красиво! — вздохнула Аглая. — Подумай, какие ты вещи узнал. И книг понатаскал полный закуток...

Она открыла анатомический атлас, который Володя взял в библиотеке, и съежилась:

— Страхи какие! Пойдем чай пить, поздно. Пойдем, будущий Тульпиус...

К зимним каникулам Володя Устименко, ученик девятого «А» класса, нахватал столько дурных отметок, что даже сам удивился. Надо было с кем-то поговорить. Серdito шагая по скрипящему снегу, он отправился на улицу Пролетариев к Варваре. «Светя другим, сгораю сам, — растерянно думал он. — Светя другим...» Удивительно глупо привязалась вдруг эта фраза.

— А ее дома нет, она на репетиции, — сообщил Евгений, Варин сводный брат, круглолицый, немножко томный, с сеткой на голове (Евгений очень занимался своей наружностью и любил, чтобы волосы лежали гладко, — для этого он устраивал всякие сложные фокусы). Женя читал физику, уютно устроившись на диване. В доме приторно пахло ванильным печеньем, в соседней комнате мадам Лис — приятельница Женькиной мамы, Валенти-

ны Андреевны, — играла на пианино, и оттуда доносились голоса: усталый — Валентины Андреевны, басовитый — Додика, известного мотоциклиста, автомобилиста и теннисиста, а кроме того, еще главного спортивного судьи в городе и области.

— Автомобиль не хочешь приобрести? — спросил Женька. — Додик продает. «Испано-сюиза» 1914 года, на ходу. Он уже два продал, а новый купил. Вот ходок, ну прямо молодец. Завидую товарищу.

Володя молчал.

— Живешь как собака, — сказал Женька тягучим голосом. — Зубрим-зубрим, а какой толк? Впрочем, заниматься надо, — произнес он другим, бодро-деловым тоном. — Что я и делаю. А про тебя ходят слухи, что ты вообще совершенно не работаешь над собой.

— Не работаю, — равнодушно сознался Володя.

— Вот видишь! Это же нехорошо! Что касается меня, то мне вообще некоторые дисциплины даются с большим трудом, колоссальным напряжением. И учти притом — у меня был туберкулез.

— Туберкулезный, как же! — усмехнулся Устименко, глядя на розового Евгения.

— Внешность тут крайне обманчива, — обиженно ответил Женька. — Вообще, туберкулез не надо понимать...

«Вообще» было любимым словом у Евгения. Его так и звали — Вообще. Он долго рассказывал о туберкулезе и о том, как его едва спасли от этой страшной болезни, буквально выходили, применив все средства — вплоть до алоэ и меда с салом.

— Материнская любовь способна сдвинуть горы! — произнес Евгений патетически. Он иногда любил вернуть такую фразочку, но Володя длинно зевнул, и Евгений перестал рассказывать о туберкулезе. Теперь он принялся осуждать Володю.

— И от коллектива ты оторвался, — говорил он доброжелательным тоном, — и вообще есть в тебе эта замкнутость. Нехорошо. Нужны комсомольский задор, бодрость, жизнерадостность! Не следует забывать, что учимся мы с тобой не в буржуазном колледже, а в нашей, советской, хорошей, трудовой школе.

— Откуда ты знаешь, что моя школа — хорошая? — спросил Володя.

— Все наши школы вообще лучше буржуазных колледжей. — Он неожиданно подмигнул Володе. — Парируй!

Устименко не нашелся и не смог парировать, а Евгений продолжал:

— Если трудности — коллектив школьников и педагогов помогут. Разве у вас не сплоченный коллектив? Сплоченный. Вот он и поможет. У вас же Вовка Сухаревич, твой тезка, — болван, разумеется, но полный благих порывов. Я про него слышал, что он вечно подтягивает отстающих. Попроси — он подтянет...

В соседней комнате сочно засмеялся Додик. Женька поднялся, шлепая туфлями, плотно прикрыл дверь и с озабоченным лицом сказал:

— Прямо не знаю, как и быть. Днюет и ночует здесь товарищ автомобильный и мотоциклетный спекулянт. И что моя мамуля в нем нашла? Ой, придет гроза морей — будет веселый разговор...

Володя тупо моргал. «Гроза морей» — так, очевидно, Евгений называл своего отчима? От бессонных ночей, проведенных за книгами, не имеющими никакого отношения к школьной программе, у Володи болел затылок и казалось, что в глаза попал песок.

— А почему будет веселый разговор? — спросил Володя.

— Не догадываешься?

— Нет.

— Полагаю, что мужьям противны такие вот ситуации!

И Евгений кивнул на дверь, за которой теперь хохотала мадам Лис. Но Володя опять ничего не понял.

— Ладно, — сказал он, — но все-таки что же делать?

— Вообще-то, надо тебе взять себя в руки, — порекомендовал Женя. — Если по-дружески, как мужчина мужчине, то ты, разумеется, способнее меня, но разбрасываешься, дружок. Конечно, скуотища, но школу надо кончать. Сегодня папахен есть, а завтра остаемся один на один с судьбой. Не в грузчики же идти...

И, швырнув физику на диван, Евгений стал поучать Володю. Как всегда, он был очень доброжелателен, но от Женькиных поучений у Володи было такое чувство, будто он объелся тянучек. Конечно, Евгений был прав, но как-то не так, как-то вбок и как-то бесстыдно прав. Глядя прямо перед собою своими прозрачными глазами, Евгений говорил вразтяжечку:

— Например, кружок. Дело твое, но ведь школе приятно, чтобы у нее был хороший драматический кружок и художественные постановки. На педагогических советах с этим считаются. Или стенная газета. Я, например, уже второй год редактором. Нужно мне это, как собаке здрасте, но *им* это нужно. Тебе кажется — на

это уходит много времени? Но я прикинул: все педагоги знают про мое редакторство и не могут не считаться с моими вообще общест-венными нагрузками. Да и люди же педагоги. Прочитают что-то лестное про себя, благодарность или тепленькие слова. Вот ты увлечен естественными науками. Прекрасно. Такие вещи школа любит, но в рамках, дорогой мой друг, в рамках, в школьных же рамках. Нужно сколотить актив и пойти к педагогу. Так и так, черт Иванович, вот мы, ребята, убедительно просим вас руководить естественным кружком. Вы, и только вы... Понятно?

Евгений вынул из ящика тумбы папиросу, закурил и потянулся.

— Ясно?

— А ты не дурак, — отозвался Володя.

— На том стоим! — вздохнул Евгений. И осведомился: — Будешь Варвару ждать?

Володя угрюмо отправился домой. И еще долго на улице ему казалось, что пахнет ванильным печеньем, и слышался тягучий Женькин голос. На углу, у памятника Радищеву, он встретил Варвару. Она шла со своими мальчишками и помахала ему рукой. В сухом морозном воздухе было слышно, как петушился Севка Шапиро — их главный режиссер:

— Я поддерживаю принципы биомеханики и целиком встаю против доктрины Станиславского. При всем моем уважении...

«Дурачки!» — по-стариковски подумал Володя. И удивился: еще так недавно все это было ему самому интересно.

Ба-ам! — тягуче ухнуло высоко в небе. Это звонили в соборе, сегодня ведь была суббота. Ба-ам!

Долой, долой монахов,
Долой, долой попов!
Мы на небо полезем,
Разгоним всех богов...

Навстречу шли ребята из школьного антирелигиозного кружка. Володя остановился и сказал Гале Анохиной — председателнице:

— «Разгоним, разгоним!»! Чего стоит такая пропаганда? Вы бы послушали доклад об инквизиции...

Кружковцы плотно окружили Галю и Володю. Им было очень весело и вовсе не хотелось слушать грустное про Джордано Бру-

но, или про Бруно Ноланеца, как назвал великого человека Устименко. И про Мигеля Сервета им не хотелось нынче знать; его сожгли дважды; сначала — куклу, а потом — самого, заживо, вместе с книгами, которые он сочинил. И отца кафедры анатомии Андрея Везалия они тоже уничтожили, эти проклятые инквизиторы. Отправили поклониться святым местам, судно же, на котором плыл Везалий, потонуло.

— Вредительство, конечно! — сказал Володин товарищ Губин. — Специально было подстроено.

— А Галилей сдрейфил, — продолжал Володя, — испугался. Положил руку на ихнее Евангелие и сделал заявление, что склоняет колени перед преподобным генералом инквизиции и клянется в будущем верить всему тому, что признаёт верным и чему учит церковь. Правда, он уже старичок был...

Ба-ам! — неслось с колокольни. Ба-ам, ба-ам!

— Ну ладно, пойдем, ребята! — сказала Галя. — А кстати, Устименко, тебе бы не мешало самому сделать такой докладик...

И они ушли все вместе, немного смущенные Володиной ученостью, сердитым блеском глаз и худобой.

— Учит, учит, — недовольно сказала Анохина. — Учитель какой выискался.

— Ты не говори, — возразил Борька Губин. — Он действительно товарищ и мыслящий, и читающий.

ОТЕЦ ПРИЕХАЛ

Уже в передней, не зажигая света, по одному только запаху табака и кожи он понял, что приехал отец. Не сняв пальто, с воплем Володя бросился в его комнату. Афанасий Петрович сидел у стола в своей характерной позе — очень прямо — и читал газету. Он был в хорошо отутюженной, щегольски пригнанной гимнастерке с летними петлицами, и на рукаве его золотом отливали шевроны; ремень висел на спинке стула, и это означало, что отец совсем дома и никуда нынче не собирается. Они поздоровались за руку, как всегда; отец слегка прищурился и притянул к себе Володю. Поцеловаться им не удалось, они это не умели делать, но Афанасий Петрович слегка потискал сына и велел ему снять пальто и садиться ужинать. Тетка Аглая внесла из кухни сибирские пироги с ры-

бой. Глаза ее смеялись от радости, щеки так и пылали. Она без памяти любила брата, гордилась им и его приезды всегда превращала в праздники.

— Докладывай! — велел отец.

Володя доложил, не солгав ни слова. Афанасий Петрович крупными руками держал кусок пирога и не отрываясь смотрел на сына.

— Врет он все! — воскликнула Аглая. — Не может этого ничего быть. Так учился, чуть не первый в школе...

— Причины? — спросил отец, пропустив мимо ушей восклицание сестры.

— Это после! — сказал Володя. — Но, коротко говоря, дело в том, что я твердо решил быть ученым.

Афанасий Петрович даже не позволил себе улыбнуться.

— Целые ночи занимается, — опять заговорила тетка, — книг натащил что-то ужасное, а теперь такой подарок... Врет, все врёт!..

Попозже, когда истомленная своим гостеприимством тетка Аглая уснула, оба Устименки сидели рядом, и Володя слушал отца.

— Мне судить трудно, — говорил Афанасий Петрович, попыхая папирасой. — Я человек неученый, я — военный летчик, но предполагаю, что всякая наука должна иметь под собой фундамент. Вот, допустим, наше занятие, воздух. Казалось бы, ручку на себя, ручку от себя — все просто. Но однако же...

Они сидели рядом, и Володя не видел, куда смотрит отец, но чувствовал его серьезный, строгий и спокойный взгляд, как чувствовал своим худым, еще мальчишеским плечом его могучие мускулы. И испытывал спокойное и полное счастье.

Этот человек с морщинами на обветренном лице, этот смелый и мужественный летчик — был его, Володиным, отцом, и разговаривать с ним на равных, задумчиво подбирать нужные слова — какое это было ни с чем не сравнимое ощущение!

— Однако же простота эта, сын, не так уж и проста, — задумчиво продолжал Афанасий Петрович. — Конечно, чтобы делать только не хуже другого, особенно ничего не требуется; а чтобы на шаг, на пару шагов авиацию вперед рвануть, для этого бо-огатый фундамент нужен: рывком, нахрапом, нахальством ничего не добьешься. Это ты мне поверь, я человек пожилой, а ты только-только на жизненную дорогу собираешься вступать...

Потом, уже к ночи, они перебрались в Володин закуток, и здесь, среди разбросанных книг, журналов, конспектов, под Рембранд-

товым «Уроком анатомии», сын стал рассказывать отцу, что такое естественные науки. Афанасий Петрович сидел на Володиной койке, зорко и жестко всматривался в Володино осунувшееся и румяное лицо и слушал его горячечные рассуждения о том, как шагает медицина, что такое подлинный новатор, какими путями идут поиски искусственного белка, как станут оперировать человеческое сердце...

— Ну, это ты, дружок, поднаврал, — сказал Афанасий Петрович. — Операции на сердце — это перебор...

— Перебор? — завизжал Володя. — Перебор? Ты извини, отец, но твои слова напоминают мне тех людей, которые смеялись над русским доктором Филипповым, который еще в восьмидесятых годах прошлого века накладывал швы на сердце животных. А немец Рен в девяносто шестом году наложил шов на рану сердца, и больной остался жив. Консерваторы в науке...

— Ну-ну, — примирительно заворчал отец, — ну-ну, новатор, давай круши дальше. И головы пришивать станете обратно?

— Не смешно! — обиделся Володя. — Кстати, ты летчик, а мечты о летающем человеке...

— Ладно, ладно, — перебил Афанасий Петрович, — все понятно, только вот войны...

— Что войны? — не понял Володя.

— Ты газеты-то читаешь?

— Читаю. Не совсем, правда, регулярно...

— Надо совсем регулярно. И понимать надо, кто такие Гитлер, Геббельс, Гиммлер и эта свинья, которая себя летчиком называет, — Геринг. А также Крупп фон Болен. К нам комиссар один навещался, большого ума человек. Глубокий дал анализ, — конечно, не для болтовни — специально для нашего брата, для военных. Так вот, сынуха, заварится каша, подзадержит, боюсь, все эти искусственные белки...

— Подзадержит? — грустно спросил Володя.

— Обязательно. Кабы не империалисты всех стран, оно, конечно, сильно наука рванулась бы вперед.

Он расстегнул ворот гимнастерки, задумался на мгновение, потом с усмешкой — грустной и чуть-чуть сконфуженной — произнес:

— На подъем наш род поднимается. Дед твой ломовым извозчиком на Харьковщине был, я, вишь, вояка, летчик, полком коман-

дую, а сын мой искусственный белок станет варить, ученый. Не живая твоя мама — порадовалась бы. Ну, давай валяй, еще рассказывай...

После полуночи Володя совсем заврался. Мечты он выдавал за будни науки, далекое будущее, очень далекое казалось ему реальностью. Отец вздыхал, но глаза его смотрели весело.

— Есть у нас один такой, военинженер Пронин, — вдруг перебил Афанасий Петрович. — Хороший мужик, знающий, но только его слишком долго слушать — опасно...

— Почему? — спросил Володя.

— А потому, что под ноги не глядит. Только вперед. А на тропчке и кочка случиться может, и еще что-либо... вступишь — обтирать сапоги надо. Ложись, сын, спать.

И, заметив, что Володя огорчился, добавил:

— Все ж вдаль лучше смотреть, чем только под ноги. Но и под ноги надо.

Утром Володя обнаружил деньги, оставленные отцом, и записку насчет того, чтобы он покупал себе книги не стесняясь и все, что понадобится для «скорейшего, сын, изготовления искусственного белка». Подпись была официальная «А. Устименко», потом приписка: «Все ж, покуда суд да дело, учись, как положено трудовому гражданину. Крепко надеюсь».

СКЕЛЕТЫ НЕ ПРОДАЮТСЯ

Денег было порядочно — пачка тридцаток и еще две пачки мелкими купюрами, — ну, в общем, целое богатство, и Володя решил немедленно купить себе предмет, о котором он давно и восторженно мечтал...

Магазин учебных пособий, недавно открытый, был невдалеке от городского рынка, возле катка. Здесь у лотка с пирожками Устименко встретил Варю. Она ела два пирожка вместе, крепко сдавив их пальцами, — один с мясом, другой с капустой. На руке у нее висели коньки. Было слышно, как за высоким забором катка играет духовой оркестр.

— Хочешь пирожка? — спросила Варя таким голосом, как будто они виделись вчера. — Вкусные! Я жареные люблю больше, чем печеные, особенно если есть пару вместе...

Крупные, тяжелые хлопья снега падали на Варину шапочку, на пирожки, на рукав пальто.

— Опять потечет каток, верно, Владимир? Что за зима такая ужасная!

И удивилась:

— Худущий какой!

Дум-дум-дум, — хлопали за забором литавры, — дум-дум-дум.

— Ты уже откаталась? — спросил Володя.

— Откаталась! — на всякий случай соврала Варя. «Ох, как я все-таки в него влюблена! — с бьющимся сердцем думала она. — Даже некрасиво».

— Пойдем скелет покупать.

— Чего-чего?

— Человеческий скелет! — произнес Володя. — В магазин учебных пособий. Там в витрине есть. Я видел.

— Для школы?

— Для какой для школы? — рассердился Володя. — Для себя лично.

— Для тебя? — показала на него пальцем Варя.

И они пошли. Но в магазине учебных пособий все оказалось совсем иначе, чем Володя предполагал. Лысый, очень неприятный человек с полным ртом золотых зубов сказал Володе, что скелеты человеческие и животные продаются лишь учебным заведениям и только по предварительным заявкам, по безналичному расчету. Частным же лицам никакие скелеты проданы быть не могут.

— А если он ученый! — сказала Варя, кивнув на Володю. Она никогда не лезла за словом в карман.

— Ученые приобретают через научные учреждения.

— А если он не состоит в научном учреждении?

— Тогда он приравнивается к частному лицу! — сверкнув золотыми зубами, сказал продавец.

— Что ж, мы спекулировать вашим скелетом будем? — рассердилась Варя. — Человеку нужно, человек посвятил себя науке...

Володя вышел: ему было стыдно. Вечно она устраивает скандалы — эта Варвара. Но ее все не было и не было. Минут через двадцать он вернулся в магазин: Варя писала в жалобную книгу своим крупным, еще детским почерком. Володя заглянул через ее плечо и прочитал: «Отказ продажи скелетов не по безналичному расчету можно назвать головоутием...»

— Варя! — прошептал он.

— Перестань разводить интеллигентщину! — огрызнулась она.

— Но это же смешно!

«Головоотяпством или чем-либо худчим...» — писала Варвара.

— Худшим, — шепотом поправил Володя.

— Догадаются! — сказала Варвара. — И уйди, Устименко, дай мне довести это дело до логического конца!

Щеки ее горели. И милый косенький локон висел возле уха, возле маленького уха с голубой сережкой в мочке.

Так со скелетом ничего и не вышло. Зато в магазине старой книги, что на площади имени Десятого октября, возле собора, Володя купил анатомический атлас издания девятисотого года, недорогой и довольно чистенький. Варвара шла рядом, позванивая коньками, в шапочке набекрень, красная, и говорила о том, как много еще бюрократизма и как беспощадно следует бороться с этими проклятыми пережитками прошлого.

— Родион Мефодиевич пишет? — спросил Володя.

— В воскресенье письмо было, — ответила Варвара и с бюрократизма перескочила на сообщение о том, что, возможно, у нее будут два билета на спектакль Художественного театра «Дядя Ваня». — Они уже приехали, — говорила Варвара, — остановились все в «Московской» гостинице. Зинка Крюкова двоих видела. Кого точно — не поняла, но может быть, товарища Качалова и товарища Ливанова. Оба в пубах. Ты опять о чем-то думаешь?

— Все-таки в вашем увлечении театром есть нечто психопатическое, — сказал Володя. — Да и если говорить серьезно, Варвара, кому нужно это искусство? Бестолочь, трата времени, бессмысленное расходование нервных клеток, чистейший идиотизм.

Они опять немножко поссорились, но все-таки не совсем. В это воскресенье Варвара увидела в Володе то, чего еще не понимали в нем взрослые, умные, образованные люди: она поняла Володину незаурядность. И с радостным изумлением вошла в его закуток, в котором не была столько времени, села на колченогий стул и, слегка раскрыв рот, стала слушать Володины мысли о Пастере и Кохе, о Павлове и Мечникове, о Пирогове и Захарьине, о возможности борьбы со злокачественными опухолями и, конечно же, об искусственном белке. Обедать она осталась тоже у Володи и за супом сказала:

— Знаешь, Володька, я укачалась.

— Это как? — спросил он.

— Ты ведь часа три рассказываешь — без передышки.

— Ага! — не без злорадства заметила тетка Аглая. — Тебе хорошо, а мне каково? Приедешь с работы, голова, как котел, усталая, замученная, а он про свои бактерии.

На «Дядю Ваню» Володя все-таки пошел. Гастроли Художественного театра до того взбудоражили весь город, что к зданию нового Дома культуры невозможно было протолкаться. Люди с искаженными лицами, хриплыми голосами уже на Коммунистической просили лишний билет. Особенно жалко было какого-то пожилого военного, который в отчаянии сказал, что «просит» не для себя, а для дочки.

— Массовый психоз! — сказал Володя. — Об этом кое-что написано у знаменитого Крепелина.

Варвара терпеливо вздохнула. «Крепелин так Крепелин».

Билеты у них были хорошие — первый ряд балкона. Володя купил программку, не читая отдал ее Варе и с видом превосходства стал оглядывать партер и битком набитые ложи.

Но вот с едва слышным шуршанием раздвинулся занавес, и началось чудо. Какое, казалось, было дело сыну летчика Устименки до всего того, что происходило с Соней, с дядей Ваней, с доктором Астровым и другими людьми, пришедшими из другого времени, из мира, который не знали ни Варя, ни Володя, ни их отцы, ни даже их деды? И чего только не делал Володя, чтобы не осрамиться перед Варварой! Он и считал до десяти, и до боли сжимал зубы, и старался думать о постороннем — проклятые, глупые, бессмысленные слезы капали и капали с его носа, и одна даже упала на Варину руку, когда та потянулась за программой. А в последнем акте Володя совсем развалился: он и не считал больше, и не скрипел зубами, он весь подался вперед и зло глядел на человеческие страдания, давая себе какие-то клятвы, стискивая потные ладони и смахивая все время вскипающие слезы...

Уже все совсем кончалось, когда рядом тихо взвизгнула и стала что-то пришепывать обморочным голосом пожилая женщина в шуршащем шелковом платье. Володя цыкнул на нее, но она не успокоилась и начала подниматься. На нее зашикали, она взвизгнула. К счастью, спектакль кончился. Сквозь пелену слез Володя увидел зеленое лицо своей соседки, ее перекошенный рот, готовый к пронзительному, на весь зал воплю.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕЛО, КОТОРОМУ ТЫ СЛУЖИШЬ	5
ДОРОГОЙ МОЙ ЧЕЛОВЕК	319